РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXIX-й. МАЙ. 1898 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

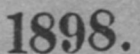
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Авраама Сергѣевича Норова. Грав. К. Адтъ.
2) Прилагается объявленіе о травѣ Кузьмича «Эфедрѣ».

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

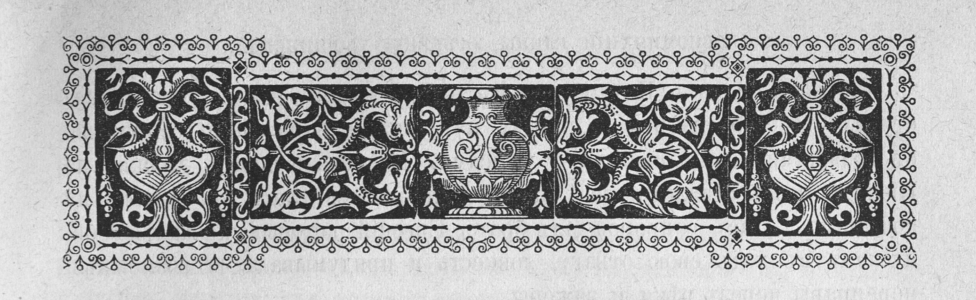

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, 39.
1898.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1898 г.

Воспоминанія Елены Юрьевны Хвощинской.

(Рожденной княжны Голицыной).

XV [1]).

Поѣздка въ Петербургъ. — Возвращеніе въ Огарево. — Покушеніе на жизнь императора Александра II.—Пожаръ въ Огаревѣ.—Отъѣздъ мой на зиму въ Петербургъ.

Въ 1865 году мы покинули Огарево и отправились съ матерью въ Петербургъ. Въ столицѣ мы были встрѣчены радушно всѣми многочисленными родственниками. Я была застѣнчива съ чужими, но родныхъ встрѣчала всегда съ перваго раза, какъ людей, давно мнѣ знакомыхъ. Недолго мы оставались въ Петербургѣ, но я успѣла подружиться со всѣми кузинами и навеселиться вдоволь, а главное и самое для меня счастливое было въ этой поѣздкѣ то, что я привлекла къ себѣ сердце моей дорогой бабушки Т. Б. Потемкиной, которая взяла слово, что мама пришлетъ меня къ ней на будущую зиму для развитія моихъ музыкальныхъ способностей и для обработыванія голоса.

Бывши въ «Святыхъ горахъ», я тогда уже душой привязалась къ бабушкѣ, а тутъ, увидавъ ее опять такой же ласковой и доброй, я полюбила ее той восторженной, свѣжей любовью, какою только можетъ любить дѣвушка въ шестнадцать лѣтъ.

---

[1]) См. „Русск. Старину“, апрѣль, 1898 г.

Выѣхали мы изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ 1866 г., когда наступила уже распутица, а потому путешествіе наше было сопряжено съ большими препятствіями и ужасами. Мы ѣхали черезъ Москву на Нижній, а отъ Нижняго до Огарева приходилось ѣхать 350 верстъ на почтовыхъ. Насъ сопровождалъ братъ Евгеній, который, не жалѣя себя, пускалъ въ ходъ свою отвагу, ловкость и придумывалъ всевозможныя переправы черезъ рѣки и зажоры.

Подъѣхали мы разъ ночью къ громадному разливу, около котораго собралось много путешественниковъ, какъ и мы; всѣ стояли, не рѣшаясь сунуться въ эту неизвѣстную пропасть, предпочитая всю ночь дрогнуть отъ холода и сырости въ ожиданіи разсвѣта. Но смѣлая, живая натура брата не могла оставаться въ подобномъ ожиданіи... Въ числѣ ожидающихъ разсвѣта было одно семейство сибиряковъ, ѣхавшее въ высокихъ сибирскихъ саняхъ, и большая компанія татаръ. Братъ обратился съ просьбой къ сибирякамъ одолжить ему ихъ сани, а татарамъ предложилъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ испробовать путь; татары согласились. Ставъ въ большія сибирскія сани, братъ закричалъ татарамъ: «Ну, братцы! Съ Богомъ—хайда!» Съ этими словами лошади тронули, большія сани грузно опустились въ воду и поплыли съ лошадьми, покачиваясь изъ стороны въ сторону. Черезъ нѣсколько времени, благодаря Бога, Евгеній вернулся обратно и сталъ хлопотать о нашей переправѣ. Всѣ вещи изъ возка переложилъ въ сани, а на вещи посадилъ сибиряковъ и нашу англичанку, дрожавшую отъ холода и страха. Меня съ мама́ помѣстилъ въ возкѣ, на скамеечкѣ, въ окна протянулъ канатъ и велѣлъ держаться за него, сидя на корточкахъ, самъ влѣзъ на возокъ, чтобы держать равновѣсіе. Со страхомъ и замираніемъ сердца тронулись мы въ путь, и только-что въѣхали въ зажору, какъ вода съ шумомъ влилась къ намъ въ возокъ, но благодаря заботливости, ловкости и умѣнію брата, мы благополучно переплыли разливъ и даже не промокли. Евгеній былъ въ восторгѣ, что ему удалось показать всѣмъ путь и довезти насъ до станціи сухими.

На станціи мы встрѣтили въ ночномъ дезабилье семейство К*, они, несчастные, за часъ или два до насъ проѣзжали эту страшную зажору, въ которой ямщики ихъ вывалили. Везли они съ собой много нарядовъ, шляпъ, цвѣтовъ, съ которыхъ текла вода, и барышни съ грустью смотрѣли на всѣ пропавшіе наряды!.. 25-го марта вернулись мы домой и встрѣтили всѣ вмѣстѣ въ тепломъ своемъ гнѣздышкѣ весну и Свѣтлый Праздникъ!..

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ разнеслась по Россіи страшная и непостижимая вѣсть о покушеніи на жизнь государя и дошла до нашего уединеннаго уголка. Молодыя сердца наши заволновались отъ негодованія, ужаса, и намъ хотѣлось выразить благодарность Богу за спасеніе и сочувствіе

государю. По совѣту мама́, мы вышили воздухи и въ концѣ іюня, черезъ Т. Б. Потемкину, отправили ихъ при слѣдующемъ письмѣ императрицѣ:

«Ваше императорское величество, всемилостивѣйшая государыня! По случаю злого покушенія на драгоцѣнную жизнь всѣми любимаго монарха нашего мы, послѣ усердной молитвы за спасеніе его, пожелали выразить чувства, которыми съ самаго дѣтства сердца наши наполнены и которыя, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, перейдутъ съ нами въ вѣчность. Прилагаемые воздухи — ничтожный трудъ нашихъ рукъ, благоволите всемилостивѣйше принять.

«Да сохранитъ Господь Богъ на многіе лѣта, всемилостивѣйшая государыня, вашу безцѣнную жизнь и жизнь августѣйшаго нашего монарха для блага дорогаго отечества нашего.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподданныя: княжны Елена, Софія и Татьяна Голицыны».

Черезъ нѣсколько времени мы получили отвѣтъ отъ бабушки съ приложеніемъ письма государыни.

«Милая Лена, писала бабушка, я получила твое милое письмо, подписанное тремя сестрами. Я сейчасъ же послала его государынѣ и посылаю тебѣ ея отвѣтъ. Она васъ благодаритъ и съ удовольствіемъ принимаетъ воздухи для дворцовой церкви. Итакъ, дорогіе дѣти, принимайтесь за работу и присылайте воздухи къ 22-му іюлю. Это очень мило и хорошо то, что вы придумали. Каждое дѣйствіе, внушенное религіей и любовью къ Богу, трогаетъ сердце, и ваше маленькое письмо окончательно тронуло сердце ихъ величествъ! Прощайте, дорогія дѣти, цѣлую и благословляю васъ всѣхъ троихъ! Татьяна Потемкина».

P. S. Вотъ и письмо государыни, которое я только-что получила. Я вамъ его дарю—примите его, какъ вещь вамъ принадлежащую, такъ какъ она и государь васъ благодарятъ.

«Письмо вашихъ племянницъ, писала императрица, насъ очень тронуло—государя и меня; мы съ удовольствіемъ принимаемъ воздухи и просимъ васъ поблагодарить ихъ.

«Покой здѣсь приноситъ мнѣ большую пользу, но холодъ мѣшаетъ мнѣ пользоваться прогулками настолько, насколько желала бы для моего здоровья.

«Тысячу привѣтовъ».

«Милая моя Catherine! писала бабушка къ мама̀, сто разъ виновата передъ вами и передъ нашей дорогой императрицей, которая поручила и такъ просила меня благодарить вашихъ дѣтей за великолѣпные воздухи, которые онѣ вышили и прислали ей такъ кстати. Воздухи были получены въ Петергофѣ 22-го, но безъ меня не смѣли ихъ открыть, и только 27-го, въ день

рожденія императрицы, они были ей поднесены; она мнѣ ихъ показывала и мы вмѣстѣ съ ней любовались ими. Императрица съ любовью поручила мнѣ поцѣловать вашихъ дѣтей и сердечно благодарить ихъ за вниманіе и работу, которую онѣ сдѣлали съ такимъ вкусомъ и усердіемъ. Это изъ «Святыхъ горъ», что я исполняю ея порученіе, такъ какъ я видѣла ее передъ своимъ отъѣздомъ; на другой день моего визита я уложилась и пріѣхала сюда, гдѣ все мнѣ напоминаетъ ваше милое пребываніе и дорогихъ вашихъ дѣтей. Мой мужъ, слава Богу, поправился это лѣто настолько, что желалъ не разстраивать ничего въ моихъ предположеніяхъ! И вотъ я здѣсь наслаждаюсь каждымъ святогорскимъ днемъ, какъ бывало прежде! Прощайте, дорогой другъ, я сожалѣю, что васъ нѣтъ здѣсь».

Въ то время, когда бабушка наслаждалась въ «Святыхъ горахъ», насъ въ Огаревѣ посѣтило горе. Былъ воскресный день. Мирные жители Огарева поджидали благовѣста, чтобы съ первымъ ударомъ колокола идти въ церковь. Солнце ярко свѣтило, но вѣтеръ былъ сильный и знойный. Сосѣдніе прихожане, мужики и бабы, кучками стояли и сидѣли за оградой, на паперти и разговаривали въ ожиданіи обѣдни.

Мама́ съ Катенькой были въ Салтыкахъ; а мы, какъ и при нихъ, не пропуская ни одной обѣдни, также были готовы и сидѣли въ ожиданіи благовѣста.

Наконецъ ударили въ колоколъ. По длинной улицѣ потянулся народъ въ церковь. Не успѣли мы сѣсть въ экипажъ, какъ услышали вмѣсто благовѣста набатъ! Въ концѣ села показалось пламя; вѣтеръ былъ попутный для огня, который не щадилъ и захватывалъ подъ-рядъ всѣ избы. Церковь была на пути, а нашъ домъ въ концѣ села. Огневое море, какъ лава, двигалось впередъ и приближалось все ближе и ближе. Поднялась страшная сумятица: всѣ бѣжали въ разныя стороны, кричали, плакали, а церковный колоколъ продолжалъ гудѣть.

Въ продолженіе двухъ часовъ все было кончено—села не существовало! Осталась церковь, три кельи и нашъ домъ. Онъ загорался два раза, но, благодаря усердію сосѣднихъ мужиковъ, его отстояли. Сколько бѣдъ сдѣлала одна искорка, неосторожно вылетѣвшая изъ трубы!.. Жутко было входить въ пустой домъ, откуда была видна эта ужасная картина потухающаго пожара. Мы всю ночь не спали—не на чемъ было, да и горе, стоны и плачъ пострадавшихъ отгоняли нашъ сонъ.

Къ утру все-таки усталыя мы вздремнули, сидя и прижавшись другъ къ другу. Ясное солнце, смотрѣвшее во всѣ окна безъ занавѣсъ и стеколъ, запахъ гари и дыма пробудили насъ, и вспомнили мы о вчерашнемъ страшномъ событіи.

Добрая мать наша поспѣшила на помощь погорѣльцамъ: дала имъ лѣсъ на постройку, и къ Покрову Пресвятой Богородицы (престольный

праздникъ) Огарево, расширенное, съ переулками, безъ курныхъ избъ праздновало новоселье! И такъ радостно было видѣть его бѣленькимъ, чистенькимъ и съ перестроенною заботами матери церковью.

Настала наконецъ пора разстаться мнѣ съ милымъ нашимъ Огаревымъ—мать задумала отправить меня на зиму къ бабушкѣ Потемкиной. Отсылая меня въ Петербургъ, она надѣялась, что я послужу связью между ею и родными отца; тѣмъ болѣе бабушка Т. Б. Потемкина была неизмѣнно добра къ матери, понимала ее всей своей любящей душой и сочувствовала ей. Мама̀ надѣялась также, что я съумѣю пріобрѣсти расположеніе и остальныхъ родныхъ, которые со временемъ обласкаютъ сестеръ и будутъ имъ полезны.

Посылала она меня съ нашей доброй Madame de Laveau, которая для того только и вернулась изъ Парижа съ многочисленными туалетами и чепцами, сдѣланными послѣ траура по мужѣ, чтобы сопутствовать меня въ Петербургъ. Сопровождала меня и горничная Дуняша съ неизмѣннымъ Евграфомъ.

Когда отъѣздъ мой былъ рѣшенъ, я со страхомъ думала о жизни внѣ роднаго дома, но молодость не долго останавливается на грустныхъ мысляхъ и, несмотря на горечь разлуки, моя голова наполнена была разными грезами, смѣнявшими одна другую...

Послѣдній вечеръ, проведенный дома, пробудилъ меня, и я, войдя въ свою комнатку, гдѣ все мнѣ было мило, все знакомо, вдругъ вспомнила, что вѣдь это послѣдній вечеръ провожу я въ ней, послѣднюю ночку ночую,—и горько, горько стало на сердцѣ. Подошла я къ окну: луна полнымъ блескомъ освѣщала наша дворъ, садъ, ту поляну, теперь покрытую снѣгомъ, гдѣ мы такъ весело, беззаботно играли въ горѣлки. Что ожидаетъ меня?.. О! какъ грустно мнѣ будетъ одной, безъ мама́, безъ сестеръ!.. Я прислонилась горячимъ лбомъ къ стеклу и заплакала... Вошла Соня. Робко, съ глазами полными слезъ подошла она ко мнѣ и надѣла на мой палецъ кольцо, тихо сказавъ:

— Посмотри, Леля! Вотъ эти три жемчужины на кольцѣ—это мы, сестры; двѣ вмѣстѣ — я съ Таней, а одна на вѣточкѣ, вдали—это ты удаляешься отъ насъ; черный фонъ—это наша грусть и трауръ, который мы будемъ носить по тебѣ въ нашихъ сердцахъ!.. [1])

Крѣпко поцѣловались мы съ ней, горько заплакали и грусть еще сильнѣе охватила мое сердце. Мечты мои окончательно затмились, и съ этой грустью я уѣхала и часто, часто повторялась она въ моей душѣ, и колечко Сонино не переставало напоминать мнѣ послѣднія минуты, про-

---

[1]) Это было какъ бы предсказаніе: судьба оторвала меня отъ нихъ—онѣ вмѣстѣ поселились за границей, а я, вышедши замужъ, безвыѣздно жила въ деревнѣ.

веденныя въ родномъ домѣ, прощаніе съ матерью, сестрами и со всѣми нашими милыми жителями Огарева.

Я выѣхала въ ночь, надѣясь, что слезы и горе мое убаюкаетъ сонъ, но заснуть я долго не могла. Мнѣ слышались знакомые голоса: «Прощайте, прощайте!.. до свиданія!.. Ну Христосъ съ тобой—говорила мать—помни всѣ мои наставленія!..» и видѣла я ихъ всѣхъ... Вотъ и батюшка нашъ добрый, вчера за напутственнымъ молебномъ, съ какимъ чувствомъ сказалъ онъ: «Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона и да узрите благая Іерусалима».

Черезъ нѣсколько времени я успокоилась и, согрѣвшись отъ нервной дрожи, уснула такъ крѣпко, что проснулась только тогда, когда Евграфъ открылъ дверцы возка и проговорилъ зазябшимъ голосомъ:

— Пріѣхали на станцію! Не угодно ли чаю?

XVI.

Пріѣздъ въ Петербургъ наканунѣ Рождества Христова.—У обѣдни.—Бабушкины именины.—День Татьяны Борисовны Потемкиной.—Моя жизнь у бабушки.

Не безъ затрудненій добрались мы до Петербурга, гдѣ ожидала насъ карета бабушки. Шибко покатили мы по Невскому, потомъ повернули на Большую Конюшенную и скоро подъѣхали къ ярко-освѣщенному дому на Милліонной. Съ замираніемъ сердца переступала я порогъ моего новаго жилища.

Войдя въ швейцарскую, первое, что предстало моему взору, это куча шубъ и множество лакеевъ въ парадныхъ ливреяхъ, такихъ же важныхъ, какъ тотъ, который привезъ меня, и всѣ они равнодушно и безучастно смотрѣли на мое появленіе, какъ будто-бы дверь швейцарской и не отворялась и никто не входилъ въ нее. Мнѣ хотѣлось пройти гдѣ-нибудь незамѣченной: я казалась себѣ такой неуклюжей въ тепломъ дорожномъ платьѣ, въ шапкѣ и ноги въ теплыхъ сапогахъ какъ-то были неповоротливы, однимъ словомъ, ни моя наружность, ни мой костюмъ не гармонировали съ обстановкой, которая попадалась мнѣ при каждомъ моемъ шагѣ, и я, идя по лѣстницѣ, спотыкалась и наступала на платье. Но вотъ увидѣла я на верхней площадкѣ лѣстницы дорогую бабушку, всю въ бѣломъ, съ милой, доброй улыбкой на лицѣ, ласково смотрѣвшую на меня, и, забывъ о своей наружности, которая секунду тому назадъ какъ сѣтями окутывала ноги, я побѣжала по ступенькамъ къ ней на встрѣчу и бросилась цѣловать ей руки. А она, обнявъ меня, хотѣла

уже вести въ гостиную, но я попросила пойти прежде снять дорожный туалетъ.

Наскоро одѣвшись, мы съ Madame de Laveau пошли въ гостиную, гдѣ, къ счастію, гостей застали уже немного. Бабушка съ той же ласковой улыбкой встрѣтила насъ и подвела къ своему мужу, Александру Михайловичу, который также привѣтливо улыбнулся, что-то тихо сказалъ—я въ смущеніи не разслышала—и подалъ мнѣ руку. Впослѣдствіи я узнала, что это знакъ особеннаго расположенія, такъ какъ когда онъ бывалъ недоволенъ или равнодушенъ, то подавалъ два пальца, а когда совсѣмъ недоволенъ, то и одинъ.

Тутъ было еще нѣсколько старыхъ тетушекъ, у которыхъ я почтительно перецѣловала руки, и нѣкоторыя привѣтливо цѣловали меня, а другія важно принимали должное почтеніе. Всѣ онѣ, разодѣтыя въ элегантныхъ свѣтлыхъ платьяхъ и пышныхъ бѣлоснѣжныхъ чепцахъ, сидѣли за круглымъ столомъ и пили чай.

Между ними были положительно красавицы-старушки; въ особенности выдѣлялись своей красотой тетушка Подчацкая, графиня Заводовская и М. О. Смирнова.

Въ другой комнатѣ, рядомъ, въ фонарѣ стоялъ также круглый столъ, за которымъ сидѣли всѣ живущіе въ домѣ, куда позвали и насъ пить чай. Тамъ насъ встрѣтили испытующіе, холодные взгляды и нѣсколько равнодушныхъ вопросовъ. Проглотивъ, а не выпивъ чай, я, жалуясь на усталость, поспѣшила проститься со всѣми и удалиться въ свою комнату, и скоро вмѣстѣ съ Madame de Laveau легла спать.

На слѣдующее утро меня разбудили довольно рано.

— Княжна! пора просыпаться!—говорила горничная моя, Дуняша, стоя около моей постели.

Я не спала, но мнѣ не хотѣлось вставать, и я дѣлала видъ, что не слышу ее, и не открывала глазъ.

— Татьяна Борисовна присылали ужь спрашивать о васъ,—продолжала она.

При имени бабушки я вскочила и, наскоро одѣвшись, стала спускаться съ лѣстницы. Спустившись въ первую комнату, я спугнула, не преувеличивая, цѣлый выводокъ лакеевъ, которые спокойно сидѣли—нѣкоторые развалившись на стульяхъ, другіе облокотившись на столъ, а при моемъ появленіи всѣ они вскочили, какъ-будто чего-то испугавшись, и вытянулись въ струнку. Это порядочно смутило меня, такъ-что въ первую минуту я замѣшалась и не знала, въ какую дверь попасть, лишь бы скорѣе пройти черезъ эту комнату и черезъ строй этихъ, хотя почтительныхъ, но все-таки въ упоръ смотрѣвшихъ на меня глазъ. Пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, богато меблированныхъ, я остановилась передъ дверью бабушкиной спальни съ намѣреніемъ постучать, но не

веденныя въ родномъ домѣ, прощаніе съ матерью, сестрами и со всѣми нашими милыми жителями Огарева.

Я выѣхала въ ночь, надѣясь, что слезы и горе мое убаюкаетъ сонъ, но заснуть я долго не могла. Мнѣ слышались знакомые голоса: «Прощайте, прощайте!.. до свиданія!.. Ну Христосъ съ тобой—говорила мать—помни всѣ мои наставленія!..» и видѣла я ихъ всѣхъ... Вотъ и батюшка нашъ добрый, вчера за напутственнымъ молебномъ, съ какимъ чувствомъ сказалъ онъ: «Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона и да узрите благая Іерусалима».

Черезъ нѣсколько времени я успокоилась и, согрѣвшись отъ нервной дрожи, уснула такъ крѣпко, что проснулась только тогда, когда Евграфъ открылъ дверцы возка и проговорилъ зазябшимъ голосомъ:

— Пріѣхали на станцію! Не угодно ли чаю?

XVI.

Пріѣздъ въ Петербургъ наканунѣ Рождества Христова.—У обѣдни.—Бабушкины именины.—День Татьяны Борисовны Потемкиной.—Моя жизнь у бабушки.

Не безъ затрудненій добрались мы до Петербурга, гдѣ ожидала насъ карета бабушки. Шибко покатили мы по Невскому, потомъ повернули на Большую Конюшенную и скоро подъѣхали къ ярко-освѣщенному дому на Милліонной. Съ замираніемъ сердца переступала я порогъ моего новаго жилища.

Войдя въ швейцарскую, первое, что предстало моему взору, это куча шубъ и множество лакеевъ въ парадныхъ ливреяхъ, такихъ же важныхъ, какъ тотъ, который привезъ меня, и всѣ они равнодушно и безучастно смотрѣли на мое появленіе, какъ будто-бы дверь швейцарской и не отворялась и никто не входилъ въ нее. Мнѣ хотѣлось пройти гдѣ-нибудь незамѣченной: я казалась себѣ такой неуклюжей въ тепломъ дорожномъ платьѣ, въ шапкѣ и ноги въ теплыхъ сапогахъ какъ-то были неповоротливы, однимъ словомъ, ни моя наружность, ни мой костюмъ не гармонировали съ обстановкой, которая попадалась мнѣ при каждомъ моемъ шагѣ, и я, идя по лѣстницѣ, спотыкалась и наступала на платье. Но вотъ увидѣла я на верхней площадкѣ лѣстницы дорогую бабушку, всю въ бѣломъ, съ милой, доброй улыбкой на лицѣ, ласково смотрѣвшую на меня, и, забывъ о своей наружности, которая секунду тому назадъ какъ сѣтями окутывала ноги, я побѣжала по ступенькамъ къ ней на встрѣчу и бросилась цѣловать ей руки. А она, обнявъ меня, хотѣла

уже вести въ гостиную, но я попросила пойти прежде снять дорожный туалетъ.

На́скоро одѣвшись, мы съ Madame de Laveau пошли въ гостиную, гдѣ, къ счастію, гостей застали уже немного. Бабушка съ той же ласковой улыбкой встрѣтила насъ и подвела къ своему мужу, Александру Михайловичу, который также привѣтливо улыбнулся, что-то тихо сказалъ—я въ смущеніи не разслышала—и подалъ мнѣ руку. Впослѣдствіи я узнала, что это знакъ особеннаго расположенія, такъ какъ когда онъ бывалъ недоволенъ или равнодушенъ, то подавалъ два пальца, а когда совсѣмъ недоволенъ, то и одинъ.

Тутъ было еще нѣсколько старыхъ тетушекъ, у которыхъ я почтительно перецѣловала руки, и нѣкоторыя привѣтливо цѣловали меня, а другія важно принимали должное почтеніе. Всѣ онѣ, разодѣтыя въ элегантныхъ свѣтлыхъ платьяхъ и пышныхъ бѣлоснѣжныхъ чепцахъ, сидѣли за круглымъ столомъ и пили чай.

Между ними были положительно красавицы-старушки; въ особенности выдѣлялись своей красотой тетушка Подчацкая, графиня Заводовская и М. О. Смирнова.

Въ другой комнатѣ, рядомъ, въ фонарѣ стоялъ также круглый столъ, за которымъ сидѣли всѣ живущіе въ домѣ, куда позвали и насъ пить чай. Тамъ насъ встрѣтили испытующіе, холодные взгляды и нѣсколько равнодушныхъ вопросовъ. Проглотивъ, а не выпивъ чай, я, жалуясь на усталость, поспѣшила проститься со всѣми и удалиться въ свою комнату, и скоро вмѣстѣ съ Madame de-Laveau легла спать.

На слѣдующее утро меня разбудили довольно рано.

— Княжна! пора просыпаться!—говорила горничная моя, Дуняша, стоя около моей постели.

Я не спала, но мнѣ не хотѣлось вставать, и я дѣлала видъ, что не слышу ее, и не открывала глазъ.

— Татьяна Борисовна присылали ужь спрашивать о васъ,—продолжала она.

При имени бабушки я вскочила и, на́скоро одѣвшись, стала спускаться съ лѣстницы. Спустившись въ первую комнату, я спугнула, не преувеличивая, цѣлый выводокъ лакеевъ, которые спокойно сидѣли—нѣкоторые развалившись на стульяхъ, другіе облокотившись на столъ, а при моемъ появленіи всѣ они вскочили, какъ-будто чего-то испугавшись, и вытянулись въ струнку. Это порядочно смутило меня, такъ-что въ первую минуту я замѣшалась и не знала, въ какую дверь попасть, лишь бы скорѣе пройти черезъ эту комнату и черезъ строй этихъ, хотя почтительныхъ, но все-таки въ упоръ смотрѣвшихъ на меня глазъ. Пройдя рядъ пустыхъ комнатъ, богато меблированныхъ, я остановилась передъ дверью бабушкиной спальни съ намѣреніемъ постучать, но не

рѣшилась и отошла. Комната, въ которой я находилась, была ея кабинетомъ; я сочла лучшимъ подождать въ немъ бабушкинъ выходъ и начала осматривать всѣ портреты, между которыми были очень красивыя лица, въ особенности хороши были мать Татьяны Борисовны, моя прабабушка, княгиня Голицына и ея сестра, княгиня Трубецкая, мать Е. П. Почацкой, на которую она была похожа. Но наскучило мнѣ смотрѣть на красавицъ, а бабушка все не выходила, и я опять рѣшилась подойти къ двери и на этотъ разъ оказалась храбрѣе — постучала. «Entrez!» сказала бабушка. Она кончала свой туалетъ. При видѣ меня она улыбнулась, поцѣловала и похвалила меня, что я скоро одѣлась. Около нея вертѣлись три фрейлины, горничными назвать ихъ было нельзя; одна изъ нихъ была важная, почтенная старушка въ такомъ же чепчѣ, какъ у бабушки, съ такими же завитками на вискахъ, которые пришпилены были гребеночками, и въ очень нарядномъ туалетѣ, другая—помоложе, но такая же важная, а третья—молоденькая, въ бѣломъ фартукѣ, хотя не имѣла внушительнаго вида, но между тѣмъ она, какъ говорятъ итальянцы, «fa fugura».

На бабушкѣ было свѣтло-сиреневое шелковое платье и на плечахъ горностаевая мантилья, которую она рѣдко снимала.

Ея добрымъ, ангельскимъ выраженіемъ, высокой фигурой положительно можно было любоваться.

Предложивъ бабушкѣ руку, я отправилась съ ней въ церковь. Часы только-что начались и, кромѣ старушекъ, живущихъ на пенсіи, которыя привѣтливыми взорами встрѣтили насъ, да монашекъ и дамъ въ старомодныхъ шляпкахъ (то были просительницы), почтительно кланявшихся намъ, никого, къ моему счастію, еще не было. Но не успѣли отойти часы, какъ стали съѣзжаться. Первымъ вошелъ хозяинъ А. М. Потемкинъ, который, пробираясь къ мѣсту, гдѣ стояла Татьяна Борисовна, видимо стараясь никого не замѣчать. За нимъ появились нарядныя старушки, также всѣ въ свѣтлыхъ платьяхъ, и каждая изъ нихъ не искала, гдѣ ей стать, а становилась на свое излюбленное мѣстечко; не опоздали къ началу обѣдни и богомольные старички, дамы съ мужьями и дѣтьми; мамаши выстраивали впередъ курчавыхъ, бѣлокурыхъ дѣвочекъ, разряженныхъ «въ пухъ и прахъ», съ голенькими шейками, ножками, и видимо любовались своими дѣтками; другіе мамаши вводили мальчиковъ и также старались стать впереди съ ними, чтобы всѣ видѣли, какіе у нихъ молодцы-сыновья. Одну изъ такихъ мамашъ я помню: красавицу княгиню Е. Г. Волконскую, которая отличалась всегда простой гладкой прической. Потомъ, наконецъ, къ концу обѣдни пріѣхали дамы, изрядно заботившіяся о своихъ туалетахъ и, я думаю, почти исключительно пріѣзжавшія, чтобы показать ихъ; за ними вслѣдъ появлялись генералы, любители дамскаго общества молодцы-офицеры—больше все кавалер-

гарды и, становясь въ дверяхъ не вдалекѣ отъ элегантныхъ дамъ, изрѣдка шопотомъ перекидывались отрывочными фразами, что́ заставляло отвлекаться насъ, грѣшныхъ, отъ молитвы; но разговоры были очень умѣренные и тихіе, не нарушающіе общаго порядка, такъ какъ знали, что хозяйка и хозяинъ не любили этого. Зато, когда послѣ креста все общество двинулось изъ церкви и разсыпалось въ большой залѣ—общій говоръ, пожатіе рукъ, переливаніе изъ пустого въ порожнее не умолкало, а я радовалась тогда, что стушевалась въ этой толпѣ. Всѣ гости, поздоровавшись съ хозяйкой обязательно, съ хозяиномъ—не всегда, такъ какъ онъ старался пройти незамѣченнымъ, отправлялись пить чай за гостепріимный столъ Татьяны Борисовны, а Александръ Михайловичъ, часто не зная своихъ гостей, спрашивалъ за столомъ, кто тотъ-то или та? Я усѣлась подальше отъ всѣхъ моихъ grand parents у самовара, на самомъ концѣ стола, надѣясь, что обо мнѣ забыли, но, къ моему ужасу, ошиблась! Бабушка позвала меня къ себѣ, и я, покраснѣвъ до ушей, должна была пройти около всего длиннаго стола, чтобы подойти къ ней. Бабушка начала представлять меня и говорила:

— C'est la fille de Юрка.

— On le voit bien par la ressemblance,—отвѣчали старушки, привѣтливо кивая мнѣ головой.

— Et a-t-elle du talent comme son père?—спросила одна изъ нихъ.

— Elle a une très belle voix et va la travailler ici; après le thé elle nous chantera [1]).

Послѣднія слова бабушки привели меня во вторую краску, а когда послѣ чая добрыя старушки разсѣлись меня слушать, я стояла около фортепіано пурпуровая и пѣла все время съ біеніемъ сердца.

Петербургская жизнь шла своимъ чередомъ. Ежедневно мы гуляли, а затѣмъ, вернувшись домой, спѣшили переодѣваться къ обѣду и являлись къ столу всѣ болѣе или менѣе элегантными. У бабушки Татьяны Борисовны ни одного дня не проходило безъ гостей; и большую часть всѣ дни недѣли были какъ-бы абонированы близкими и друзьями; но кромѣ этого были и случайные гости за обѣдомъ. Насъ живущихъ было 15, такъ что садилось за столъ не менѣе 20—30 человѣкъ. Итакъ вся компанія, состоящая большею частью изъ старичковъ и старушекъ, чинно направлялась попарно въ столовую, проходя цѣлую анфиладу комнатъ. Обыкновенно я старалась быть въ хвостикѣ этого шествія,

[1]) — Это дочь Юрки.

— Видно по сходству,—отвѣчали старушки, привѣтливо кивая мнѣ головой.

— Имѣетъ ли она таланты своего отца?

— Она имѣетъ очень хорошій голосъ и пріѣхала сюда, чтобы развить его; послѣ чая она споетъ намъ.

идя подъ руку съ своимъ братомъ, когда онъ обѣдалъ у бабушки, а послѣ обѣда уводила его наверхъ, въ свою комнатку, гдѣ мирно бесѣдовали мы обо всемъ понемногу. А тамъ внизу нѣкоторыя старушки подъ тихій монотонный разговоръ своихъ кавалеровъ засыпали, сидя въ мягкихъ креслахъ; только по пятницамъ, когда обѣдалъ Андрей Николаевичъ Муравьевъ, никто не засыпалъ, благодаря его грубому голосу и умнымъ рѣчамъ, которыми онъ разгонялъ ихъ послѣобѣденную дремоту. Наружность его была не изъ красивыхъ; ростомъ высокій, немного сутуловатый, съ головой, походившей на львиную, съ такимъ же строгимъ умнымъ и сумрачнымъ выраженіемъ—онъ не всѣмъ былъ пріятенъ, но бабушка любила его, хотя часто нападала на него за его злой языкъ. Я слышала, что у него въ свѣтѣ было много враговъ и называли его «Андреемъ Незваннымъ».

Бабушкино утро начиналось рано: она вставала въ 8 часовъ, и съ этого часа, какъ швейцарская, такъ и пріемная комната наполнялась разнымъ людомъ всѣхъ классовъ и сословій — отказа никому не было и всѣмъ былъ доступъ къ ней. Если требовалось что-нибудь очень спѣшное, то дѣвица, завѣдующая перепиской и ея благотворительными дѣлами, приходила въ спальню и разсказывала въ чемъ дѣло. Если кто изъ просителей нуждался въ рекомендательномъ письмѣ къ великимъ міра сего, то бабушкѣ подавали перо и она писала къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, прося помощи; приходилось нерѣдко писать членамъ царской фамиліи и самой государынѣ на скорую руку и въ постели. Она готова была хлопотать о каждомъ и каждому оказать денежную помощь. Она выходила къ просителямъ счастливая и сіяющая, если у нея было достаточно денегъ для ихъ нуждъ; если же запасъ изъ суммы, которая ей выдавалась мужемъ на благотворительныя дѣла, былъ истощенъ и незначителенъ для помощи, то Татьяна Борисовна была въ отчаяніи. Ей приходилось просить мужа о выдачѣ новой суммы, а онъ былъ аккуратенъ, скуповатъ и не любилъ выходить изъ бюджета. Зная же готовность жены отдать послѣднее платье, Александръ Михайловичъ хранилъ у себя всѣ брильянты. Когда надо было ихъ надѣть—старшая фрейлина отправлялась къ нему за ними, счетомъ получала, надѣвала на свою госпожу и строго приказывала выѣздному лакею слѣдить, чтобы Татьяна Борисовна не потеряла ихъ. По возвращеніи бабушки, съ нея снимались всѣ брильянты и неслись опять на сохраненіе къ мужу.

Александръ Михайловичъ обожалъ жену и все дѣлалъ, что она желала, но находилъ, что всему должна быть мѣра. Если получался отказъ, то она посылала закладывать свое туалетное серебро, которое часто такимъ образомъ выручало ея бѣдныхъ, для которыхъ она положительно была послана Богомъ: вставая и ложась она думала о нихъ.

Если утро ея было благополучно, т. е. было чѣмъ успокоить своихъ

просителей и просительницъ, она выходила къ нимъ изъ своей спальни съ ясной улыбкой и, выслушавъ ихъ, шла пить чай въ свой кабинетъ, куда вела тѣхъ, съ которыми хотѣла продолжать бесѣду. Садясь за маленькій свой серебряный самоварчикъ, желая имъ напоить весь свѣтъ, Татьяна Борисовна ласково спрашивала: «хотите, милая, чаю?» но ни воды, ни чаю не хватало для гостей, и каждый разъ она кротко замѣчала лакею, стоявшему около нея: «что же это, Павелъ, какъ мало вы дали чаю!» и каждый разъ получался отъ него отвѣтъ: «я думалъ, ваше высокопревосходительство, что изволите кушать однѣ!..» Отвѣтъ былъ очень почтительный и голосъ звучалъ тѣмъ же, но взглядъ который Павелъ бросалъ на бѣдныхъ просительницъ, одѣтыхъ въ старомодныя мантильи и шляпы, былъ очень презрительный.

Угостивъ чаемъ приглашенныхъ и не всегда напившись сама, Татьяна Борисовна ѣхала въ пріюты, которые были подъ ея попеченіемъ, въ тюрьмы, навѣщала больныхъ и всюду вносила добро, слово Божіе, любовь и ласку.

12-го января въ Петербургѣ кто не вспоминалъ о Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной? кто не ѣхалъ поздравить ее со днемъ ангела? кто не шелъ къ ней съ тѣмъ же? кто не стремился въ ея домовую церковь? кто не молился о ней, кто не желалъ ей здоровья и всего хорошаго?!..

Начиная отъ государя, митрополита, высшаго духовенства, министровъ, генераловъ, свѣтскихъ дамъ, старыхъ и молодыхъ, и кончая тѣми несчастными просительницами, которыхъ лакеи въ этотъ день просто вымели бы изъ дома — всѣ бывали на Милліонной и всѣ поздравляли добрую, ласковую, привѣтливую Татьяну Борисовну, и какъ съ богатыми, знатными, такъ и съ бѣдными и нищими она была равною въ обращеніи, для всѣхъ у нея было ласковое слово.

Каждый годъ государь и вся царская фамилія бывали у Потемкиныхъ 12-го января, въ день ангела бабушки, и 7-го февраля, въ день свадьбы и рожденія Татьяны Борисовны и Александра Михайловича.

Въ 1865 году они праздновали золотую свадьбу, и вотъ письмо, въ которомъ бабушка описываетъ, какъ государь съ своей семьей почтили этотъ день:

12-го февраля 1865 г.

«Дорогая Екатерина!

«Ваши письма меня очень тронули... Вы благоразумно поступаете, что проводите зиму въ деревнѣ, и такъ какъ дѣти любятъ деревенскую жизнь, то вамъ будетъ хорошо; я васъ жалѣю для себя потому, что мнѣ такъ хотѣлось видѣть васъ зимою здѣсь.

«Я праздновала на-дняхъ свою золотую свадьбу. Это чудный день для тѣхъ, кому прошлое не напоминаетъ ничего печальнаго, и было сплошное счастье и спокойствіе.

«Въ моей радости приняли участіе общество и царская фамилія; этотъ день, помимо моей воли, сдѣлался настоящимъ торжествомъ, хотя я совсѣмъ не собиралась его праздновать, такъ какъ мы въ траурѣ по моемъ братѣ Александрѣ... Эта смерть меня такъ поразила, что я заболѣла. Моя бѣдная belle-soeur чувствуетъ себя очень одинокой. Но жизнь идетъ своимъ чередомъ, горе притупляется въ свѣтскомъ водоворотѣ, и пока оплакиваемъ умершихъ, свѣтъ требуетъ отчета въ нашей грусти.

«Въ день моего юбилея вся царская фамилія осчастливила меня своимъ присутствіемъ. Государь, всѣ его сыновья и братья, великія княгини, всѣ принесли мнѣ свои поздравленія и пожеланія счастья. Государь передалъ мнѣ отъ имени императрицы прелестный браслетъ съ портретами ихъ обоихъ и съ ихъ вензелемъ изъ брильянтовъ и рубиновъ на крышкѣ медальона, на обратной его сторонѣ находится число моей свадьбы, 7-е февраля. Кромѣ этого она прислала мнѣ прелестное письмо на 4-хъ страницахъ. Великія княгини пріѣхали къ обѣдни, такъ что моя свадьба какъ-бы повторилась.

«Я вамъ пришлю мою маленькую карточку съ мужемъ. Что вы думаете дѣлать лѣтомъ?

«Прощайте, моя дорогая. Цѣлую вашихъ дорогихъ дѣтей и отъ всего сердца благословляю ихъ и васъ».

Въ годъ моего пріѣзда 12-го января день начался обѣдней въ домовой церкви, которая больше, чѣмъ обыкновенно, была наполнена петербургскимъ высшимъ свѣтомъ.

Чай и завтракъ прошелъ также шумно и многолюдно, а послѣ завтрака начали пріѣзжать одна за другой великія княгини, великіе князья, и наконецъ доложили: «Государь». Бабушка была въ этотъ разъ не совсѣмъ здорова и сидѣла въ кабинетѣ на креслѣ рядомъ съ мужемъ; въ этой же комнатѣ находились только члены семьи, живущіе въ домѣ, а именно: дядя князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, сынъ его — Саша и я.

Всѣ стояли, когда государь вошелъ, исключая бабушки, которая хотѣла приподняться, чтобы идти къ нему навстрѣчу, но онъ, увидя ея движеніе, быстро подошелъ къ ней, говоря: «Je vous supplie, chère M-me Potemkine, ne vous dérangez pas!» [1]) и усадивъ ее обратно въ кресло съ любовью и лаской поцѣловалъ три раза ея руки. Я стояла рядомъ съ ней, и когда она меня представляла, я вторично сдѣлала самый глубокій реверансъ, какой только могла. Государь милостиво подалъ мнѣ руку, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о деревнѣ, такъ какъ бабушка сказала, что я тамъ воспитывалась. О счастье и блаженство, языкъ мой на этотъ разъ былъ послушенъ, и ни разу я не заикнулась.

---

[1]) Я васъ умоляю, г-жа Потемкина, не безпокоиться.

Впечатлѣніе перваго вечера, проведеннаго мною въ домѣ бабушки Потемкиной, меня не обмануло: родственники, живущіе въ домѣ, были ко мнѣ холодны, равнодушны—ни ласки, ни привѣта я отъ нихъ не видѣла; остальныя же дамы, какъ-то: приживалки, воспитанницы и т. п. лица, которыхъ Евгеній, братъ мой, называлъ общимъ именемъ: «Перепетуи», положительно не любили меня, хотя видимыхъ непріятностей пока онѣ мнѣ не дѣлали, да и не было причинъ, такъ какъ, помня наставленія матери, я всегда держала себя съ ними вѣжливо и осторожно. Но иногда трудно было чувствовать себя какой-то чужой для всѣхъ, и косые, недоброжелательные взгляды меня смущали и подчасъ огорчали до слезъ...

Это хорошая была школа для моего характера и заставляла меня любить еще сильнѣе свой очагъ, свое родное гнѣздышко, гдѣ кромѣ ласки, снисхожденія, любви, доходящей почти до обожанія—я ничего другого не видѣла, начиная съ матери, кончая нашей доброй прислугой. Къ бабушкѣ Татьянѣ Борисовнѣ я привязывалась день-ото-дня все болѣе и болѣе, и въ ея обращеніи со мной все мнѣ говорило, что она полюбила меня, и съ ней только было мнѣ хорошо, легко, спокойно; когда я бывала около нея, я забывала свои маленькія горести, забывала, что я не дома, и каждое слово ея западало мнѣ въ душу; я восхищалась ея безконечной добротой; а она меня учила такъ же, какъ и мать наша, все прощать и смотрѣть на недостатки людей и пороки ихъ съ грустью, а не съ ожесточеніемъ, и стараться враговъ своихъ покорять добромъ и лаской, а не злобой и мщеніемъ. Тогда я цѣловала ея руки и плакала отъ умиленія и желанія походить сколько-нибудь на нее. А она, увидавъ мои слезы и погладивъ меня по головѣ, говорила [1]): «Chère enfant!.. Que Dieu te guide!» и, засидѣвшись болѣе обыкновеннаго, поспѣшно вставала, говоря [2]): «Il est temps, que je parte—j'ai beaucoup de courses à faire aujourd'hui». И я уходила отъ нея примиренная со всѣми, если имѣла къ кому-нибудь непріятное чувство.

Когда я пріѣхала, вотъ письмо, которое бабушка написала мамà:

20-го декабря 1866 г.

«Дорогая моя Catherine!

«Лена съ своей доброй гувернанткой пріѣхали къ намъ совершенно здоровыя, несмотря на 15 град. мороза. Я приняла ее съ материнской любовью, такъ какъ понимаю, чтò вамъ стоило съ нею разстаться. А Евгеній уѣхалъ за ней и безъ шубы, чтò очень меня безпокоитъ! Ломакинъ уже былъ, пробовалъ голосъ Лены и нашелъ его чуднымъ, онъ будетъ давать ей уроки два раза въ недѣлю. Надѣюсь, что мы изъ

---

[1]) Дорогое дитя!.. Да благословитъ тебя Господь!..

[2]) Пора мнѣ ѣхать—сегодня у меня много дѣла.

*

нея сдѣлаемъ прекрасную пѣвицу! Она очень музыкальна, играетъ хорошо, и вы отлично сдѣлали, что рѣшились прислать ее къ намъ; если Господь позволитъ, она прекрасно окончитъ свое образованіе. Я очень и очень грущу... Причинъ къ тому много: кончина брата Николая, фальшивое положеніе Б., потомъ больные, за которыми я ухаживаю и которые скоро покинутъ насъ для лучшаго міра, и какъ-бы въ утѣшеніе всѣмъ этимъ невзгодамъ ваша милая дочь своимъ присутствіемъ оживляетъ нашу жизнь! А мы, съ своей стороны, постараемся доставить ей лишь одно пріятное. Мои прелестныя племянницы Шуваловы и Рибопьеръ подходятъ къ ея возрасту. Прощайте, дорогая племянница и другъ мой».

Дни наши съ M-me de Laveau проходили довольно однообразно: по утрамъ я съ ней занималась, а послѣ завтрака каждый день пѣла экзерсисы, готовясь къ уроку пѣнія Ломакина, и разучивала заданное мнѣ учителемъ музыки Капри; потомъ мы отправлялись гулять, а вечеромъ иногда ѣздили къ кузинамъ и очень рѣдко въ театръ. Утреннія занятія мои шли не очень аккуратно, въ особенности первое время моего пріѣзда,—меня то и дѣло требовали на половину бабушки и, пока она не представила меня всѣмъ родственникамъ и знакомымъ, которымъ хотѣла меня отрекомендовать, я постоянно отрывалась отъ занятій. Всѣ эти представленія были для меня настоящей пыткой и всѣ гости казались прескучными. Только разъ, помню, одна изъ посѣтительницъ меня очаровала, во-первыхъ, своей красотой, а во-вторыхъ, обрадовала меня своимъ желаніемъ и просьбою видѣть меня въ живыхъ картинахъ у нея во дворцѣ. Это была княгиня Суворова. Не дождавшись даже согласія бабушки, я мысленно мигомъ перенеслась въ театръ, на сцену въ одну изъ картинъ, проектируемыхъ княгиней, и ждала съ нетерпѣніемъ момента, когда меня отпустятъ, чтобы бѣжать къ M-me de Laveau объявить мою радость. Но бабушка, какъ холодной водой облила меня, сказавъ:

— Non, chère princesse, je ne puis vous la donner—elle est encore trop jeune pour aller figurer dans un spectacle et aller montrer sa beauté au publique. [1])

И какъ княгиня Суворова ни уговаривала бабушку позволить ей разсчитывать на меня—она была непоколебима, и позволено мнѣ было поѣхать только въ ложу и любоваться другими. Вообще бабушка не любила, чтобы я ѣздила въ большой свѣтъ и театры, боясь ужасно, чтобы я не пристрастилась къ свѣту и его забавамъ, и поэтому всегда со страхомъ и какъ-бы беря грѣхъ на свою душу, отпускала меня. На балы я

---

[1]) Нѣтъ, милая княгиня, я не могу вамъ ее уступить; она еще очень молода, чтобы участвовать въ спектакляхъ и показывать свою красоту публикѣ.

еще не выѣзжала, а когда собиралась въ театръ или оперу и приходила къ ней веселая, сіяющая передъ отъѣздомъ проститься—я читала на ея миломъ лицѣ какое-то волненіе и страхъ; благословляя меня, она покачивала головой, какъ-бы говоря: «Какъ удержать молодость отъ веселья и всѣхъ прелестей жизни?! Но какъ страшны и опасны всѣ соблазны въ ней!..»

Подъѣзжая къ театру я испытывала какое-то необыкновенное, радостное, счастливое настроеніе. Я до страсти любила музыку, и когда въ оперѣ слышала оркестръ, исполняющій увертюру изъ «Руслана» или «Жизнь за Царя», то душа моя положительно сливалась съ этими чудными звуками и уносилась куда-то въ лучшій міръ, гдѣ царитъ одна гармонія, и хотѣлось не быть собой, а однимъ изъ этихъ чудныхъ звуковъ, которые такъ дружно поютъ и вселяютъ людямъ такія чудныя, неземныя ощущенія... На другой день бабушка, несмотря на испытанный наканунѣ страхъ при отъѣздѣ моемъ въ театръ, съ интересомъ спрашивала, что я видѣла и какое впечатлѣніе сдѣлала на меня опера. Однажды она разсказала мнѣ, что, бывши молодой, она такъ же, какъ и я, страстно любила театры, балы и т. п. удовольствія, но, сознавая, что эти удовольствія слишкомъ притягиваютъ ее къ себѣ, отвлекая отъ долга и заставляя жить для своихъ эгоистическихъ стремленій и вкусовъ, и не умѣя пользоваться благоразумно и спокойно прелестями жизни, но отдаваясь имъ всей душой и забывая, что для души есть лучшая, высшая жизнь, а именно жизнь для Бога и людей,—она рѣшилась совсѣмъ отказаться отъ свѣта; и всѣ общественныя удовольствія, какъ-то: балы, рауты, концерты, театры ею больше никогда не посѣщались. Музыку, которую она продолжала горячо любить, слушала она только дома или въ очень тѣсномъ кругу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

